

СИБИРЯКИ В СТОЛИЦЕ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ НАСЛЕДНИКОВ КРАСНОЯРСКОГО КУПЦА А.П. ЛАРИОНОВА ОТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА НАЧАЛА 1870-х гг.

Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы Сибирского отделения РАН П.2.

В статье вводятся в научный оборот частные письма из уникальной рукописной коллекции красноярских купцов Ларионовых, относящиеся к началу 1870-х гг. На основе этих источников воссоздается жизненный путь осиротевшего купеческого сына, прошедшего через все трудности, связанные с получением среднего и высшего образования, что позволило ему сменить социальный статус и начать карьеру чиновника. Сохранившаяся переписка позволяет также в какой-то мере осветить восприятие сибиряками столичных реалий пореформенного периода, выявить подробности повседневной жизни рядовых жителей Санкт-Петербурга. Письма указывают на особое значение, которое выходцы из Сибири придавали общению с земляками, подчеркивают важность для этих людей осознания принадлежности к единому региональному сообществу.

Ключевые слова: частная переписка; Санкт-Петербург; сибиряки; повседневность; Санкт-Петербургский университет; региональная идентичность.

Несмотря на то что с конца XVIII в. выходила масса справочных изданий, историко-географических обзоров, а также популярных зарисовок, посвященных разным регионам обширной Российской империи, даже во второй половине XIX в. многие жители Центральной России, отправляясь, например, в Сибирь, имели весьма смутное представление об этом крае. К.М. Станюкович писал: «...несравненно легче с каким-нибудь иностранным курсбухом в руках составить точный расчет путешествия в Австралию, Китай, Калифорнию или на мыс Доброй Надежды, чем, находясь в столице империи, сообразить способы сообщения, время и стоимость экскурсии по ту сторону Уральского хребта» [1. С. 238]. В свою очередь, сибиряков поражали контрасты между столичной жизнью и привычными для них сибирскими реалиями. О восприятии рядовыми сибиряками столичной жизни пореформенного периода позволяют судить сохранившиеся в Государственном архиве Красноярского края письма наследников купца Александра Петровича Ларионова, относящиеся к началу 1870-х гг.

А.П. Ларионов родился в купеческой семье около 1812 г. Достигнув совершеннолетия, он состоял при капитале старшего брата – красноярского купца Ивана Петровича Ларионова и помогал ему в коммерческих делах. Однако довольно рано, всего в 47 лет, жизнь Александра Петровича оборвалась, а забота о содержании его вдовы Анфисы Лаврентьевны и малолетнего сына Георгия (остальные дети умерли в юном возрасте) легла на плечи Ивана, который приходился мальчику также и крестным. По настоянию матери и благодаря материальной поддержке дяди Георгий поступил в ближайшую в то время к Красноярску Томскую мужскую гимназию. А.Л. Ларионова, получавшая деньги от деверя, которого она в письмах называла «милостивый государь тятинька» (после смерти мужа он для нее стал главой семьи, а, кроме того, у них была большая разница в возрасте – 29 лет), присылала ему подробные отчеты о сделанных ею тратах и жаловалась на дороговизну. Чтобы убедить деверя, что деньги потрачены не напрасно, Анфиса Лаврентьевна присылала ведомости об успе-

хах сына, писала, что «он у нас так занимающа – жаль смотреть, и Паску только были в це(р)кви первый день, а после все занимались, наука ужасно трудна» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 12]. Сам Георгий добавлял: «Учусь хорошо и считаюсь одним из первых учеников» [Там же. Л. 25].

Надо сказать, что в середине XIX в. такое страстное желание дать во что бы то ни стало своему ребенку хотя бы среднее образование по-прежнему вызвало недоумение у многих сибиряков из разных сословий. В одном из номеров «Енисейских губернских ведомостей» за 1861 г. описывалось открытие училища в с. Курьшинском Канского округа, в которое многие «не решались отдавать детей своих... по какому-то закоренелому предрассудку против грамотности», при этом «старики твердили одно: “Мы... не учились, а век прожили: едим хлеб не хуже грамотных”» [3. С. 43]. Енисейский купеческий сын В.П. Скорняков, обучавшийся во второй половине 1850-х гг. в Иркутской гимназии, вспоминал, что на попытки некоторых горожан «дать среднее образование своим детям смотрели... ужасно недоверчиво» из-за боязни «оторванности своих детей от той среды, где они сами выросли» [4. Оп. 1. Д. 65. Л. 101 об. – 102]. Тюменский и московский купец Н.М. Чукмалдин писал, что купцы «старой закалки» долго сопротивлялись всяким нововведениям в области воспитания и образования, не понимая, зачем их детям нужно получать какие-то новые знания, раз их деды и они сами вполне благополучно обходились старыми сведениями и приемами ведения коммерции [5. С. 101]. Ларионовы принадлежали к тем немногим прогрессивно настроенным сибирским жителям, которые не сомневались в пользе учения. Это отношение шло от основателя династии – уроженца Иркутска Петра Федоровича Ларионова, человека грамотного и любознательного.

Несмотря на все трудности и постоянные униженные просьбы о присылке хоть каких-нибудь средств («покорнице прошу прислать денег» [2. Оп. 1. Д. 4526. Л. 6 об. – 7 об.]), Анфиса Лаврентьевна после окончания сыном Томской гимназии решила

непрерывно продолжить его обучение, связывая будущее юноши с чиновничьей службой. Как пишет специалист по истории студенчества Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в. К.С. Казакова, в то время «цель обучения в университете... формулировалась не как самодостаточное образование, приобретение познаний, а прежде всего как подготовка к вступлению в службу. Получение университетского диплома становилось первой ступенью служебной карьеры, а для многих было необходимым условием вертикальной социальной мобильности» [6. С. 16]. Повысить образовательный уровень можно было только покинув Сибирь. В декабре 1869 г. Анфиса Лаврентьевна сообщала деверю о своих планах: «Если Богу угодно будет, в июле поедем в Москву для образования сына» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 24]. Сам Георгий в январе 1870 г. писал: «В этом году я кончаю курс и думаю, если Господу будет угодно, отправиться с мамашей в Москву для дальнейшего образования. Я поступаю на Юридический факультет. Теперь с введением гласного судопроизводства, у нас в России для образованного и добросовестного юриста предстоит блестящая карьера. Учусь хорошо и считаюсь одним из первых учеников» [Там же. Л. 25]. Иван Петрович Ларионов и на этот раз не оставил племянника и обеспечил его поездку с матерью, но не в Москву, как планировалось изначально, а в Санкт-Петербург: в середине июля путешественники добрались до Тюмени [Там же. Л. 13], а 6 августа прибыли в столицу [Там же. Л. 14–14 об.].

Сохранилось 10 писем, отправленных Г.А. Ларионовым из Санкт-Петербурга в Красноярск своему дяде Ивану Петровичу [Там же. Л. 14–15, 17–19, 21–23, 26–27, 30–31 об., 33–34] и 5 – двоюродным братьям Ивану и Петру Ивановичам [2. Оп. 1. Д. 4526. Л. 1–6 об.; Д. 4536. Л. 1], а также 3 письма А.Л. Ларионовой деверю И.П. Ларионову [Там же. Д. 4497. Л. 16–16 об., 20–20 об., 29–29 об.] и 4 – племянникам [Там же. Д. 4527. Л. 1–8 об.]. Как показывают отметки адресатов о получении каждого письма, корреспонденция из столицы до Красноярска доходила примерно за месяц. Например, письмо, отправленное в Красноярске 14 сентября 1870 г., в Петербурге получили 18 октября [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18], а послание из Петербурга от 7 февраля 1872 г. было получено в Красноярске 2 марта 1872 г. [Там же. Л. 33–34]. Всякий раз, если представлялась оказия, письма передавались со знакомыми, что, по всей видимости, считалось быстрее и надежнее, чем услуги почты.

Вопреки ожиданиям прибывших провинциалов столица не слишком ошеломила. В своем первом письме братьям Георгий Александрович писал: «Петербург особого впечатления на меня не произвел, но все-таки город хороший, особенно в ученом мире. Здесь есть множество огромнейших библиотек и множество высших учебных заведений» [Там же. Л. 14 об.]. Поскольку Георгий приехал учиться, то тема просвещения его особо интересовала и занимала важное место в его письмах. В октябре 1870 г. он добавлял: «Я очень рад, что я попал в Петербург, где так много учебных пособий, каковы библиотеки, музеи,

картинные галереи и т.п.» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18–18 об.], «...вчера я был в Императорской Публичной библиотеке, где и взял билет на чтение книг и для занятий в библиотеке. Книги выдаются только для чтения в самом здании библиотеки. Платы никакой нет. В этой библиотеке, кроме нескольких десятков тысяч рукописей, находятся все книги и журналы, какие когда-либо были изданы, если только они сохранились. Число книг доходит, кажется, до 1 000 000 томов» [Там же. Л. 18 об.]. Всего же в городе насчитывалось 4 публичных библиотеки, 9 музеев и выставок, ботанический и зоологический сады [7. С. 14–15], которые должны были производить большое впечатление на Ларионовых.

Ограниченный в средствах, Георгий постепенно знакомился с достопримечательностями и окрестностями Петербурга («...был в Александрии [на] даче Ея ВЕЛИЧЕСТВА Государыни. Видел и был там во дворце Наследницы и Государыни. Был также в Петергофском саду» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 17]), по мере возможности посещал театры. Говоря о визите в самый дешевый из четырех театров города [7. С. 78–79] – Александринский, в сентябре 1870 г. он писал: «Здешний театр после наших театров, конечно, несравненно лучше» [Там же. Л. 17 об.]. Возможно, Г.А. Ларионову удалось увидеть на сцене непревзойденного мастера перевоплощения Василия Васильевича Самойлова – первого артиста труппы Александринского театра, исполнявшего тогда роль И.Л. Растворского в «Ревизоре» [8].

В отличие от сына, интересовавшегося прежде всего культурно-просветительными учреждениями, необразованная и писавшая с многочисленными ошибками Анфиса Лаврентьевна обращала внимание на другие стороны повседневной жизни, поражаясь столичным диковинкам, которых не было в Сибири, сравнивала город на Неве с Москвой, в которой побывала летом 1871 г. Сохранилось оставленное ею 1 ноября 1871 г. описание открывшейся в 1860 г. петербургской конной железной дороги, работавшей с 9 утра до 9 вечера по трем маршрутам [7. С. 72]: «В Питере зимняя дорожка, здесь кататься можно, 5 ко[п.] общие сани и кареты, четверка лошадей[и] и за 5 ко[п.] 3 версты прокатитесь с удово[ль]с[т]вием. Здесь кататься удобно, и в Москве этих удобств[в] нет. Можете пре[д]ставить, кон[н]ы[е] железные вагоны устроены так: по некоторым улицам положены рельсы и вагон, внутри его 20 мест и сверху 20 мест, ко(н)дуктор и кучер и с их входит 42 человека заложено только 2 лошади двинется эта ма[с]са очень скоро – удивительно! Наука изобрела много полезного» [2. Оп. 1. Д. 4527. Л. 5–5 об.].

Сразу по прибытии, 11 августа 1870 г., Г.А. Ларионов подал прошение о зачислении в университет [Там же. Д. 4497. Л. 14], в августе же выдержал «экзамены поверочные», был принят на Юридический факультет и с первого сентября приступил к занятиям [Там же. Л. 17]. В оставленных им зарисовках своей студенческой жизни чувствуется гордость, что и ему, провинциалу из далекого сибирского города, удалось оказаться в стенах крупнейшего вуза России. В част-

ности, он сообщал: «Университет Петербургский – один из лучших (если только не самый лучший) из наших университетов. Профессора здесь большею частью люди известные по своим сочинениям, а некоторые даже считаются первоклассными в ряду европейских знаменитостей» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18–18 об.]. Среди преподавательского состава было немало иностранцев, уроженцев разных европейских государств. По словам Т.Н. Жуковской, «особенностью Петербургского университета было то, что группа иностранных профессоров была в этническом отношении более пестрой, хотя, как и в других университетах, в ней преобладали немцы» [9. С. 14]. Характеризуя Юридический факультет, Георгий отмечал, что он «здесь очень хорош», особенно выделяя при этом известного юриста Петра Григорьевича Редкина («замечательнейший из профессоров» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 17 об.]). П.Г. Редкин, с 1863 г. числившийся ординарным профессором на кафедре энциклопедии права, был яркой личностью, мастерски читал лекции и пользовался большим авторитетом среди студентов. В сентябре 1873 г. он стал выборным ректором Санкт-Петербургского университета, занимая эту должность до сентября 1876 г. [10. С. 155–168].

Г.А. Ларионов упомянул также еще одного своего выдающегося ученого современника – основателя Казанской лингвистической школы Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, происходившего из осевшего в Польше старинного французского рода. И.А. Бодуэн де Куртенэ учился в Варшаве, Праге, Йене, Берлине, Петербурге. В 1870 г. он получил в Лейпциге степень доктора философии и в том же году в Петербурге защитил магистерскую диссертацию «О древнепольском языке до XIV столетия» [11. С. 3]. Защита вызвала большой интерес слушателей университета, на что косвенно указывают и строки из письма Г.А. Ларионова, отметившего ее как важное событие, упоминание о котором не оставит равнодушными красноярских родственников: «Завтра, т.е. 22 октября у нас в университете будет защищать диссертацию на степень магистра сравнительного языковедения доктор философии Лейпцигского университета Иван Бодуэн де Куртенэ» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 18 об.].

Студент-сибиряк стремился подчеркивать свой новый статус даже в мелочах. Так, он просил родственников адресованные ему письма подписывать следующим образом: «Студенту Юридического факультета Императорского С.-Петербургского университета такому-то» [Там же. Л. 17 об.]. Вообще, при внимательном знакомстве с сохранившимися письмами, складывается впечатление, что Георгий хотел не только поведать родственникам что-либо любопытное о столичной жизни, при случае даже порадовать их небольшим подарком, но и как бы ненароком обратить внимание на свою эрудицию и образованность. В письме от 7 февраля 1872 г. он замечал: «Не знаю, как Вам понравится посланный мною календарь Гатцуки, но, по-моему мнению, это один из лучших. Академический календарь в настоящее время не выходит» [Там же. Л. 33]. Речь идет о «Крестном календаре», издававшемся с 1866 г. в Москве Алексеем Алексе-

вичем Гатцук. На страницах Календаря, стоившего всего 10 коп. и расходившегося большим тиражом, помещались сведения о различных событиях из истории России и славянских стран [12. С. 175]. Даже описывая погоду, Георгий использовал своеобразную лексику: 24 июня 1874 г. он сообщал, что «в Петербурге теперь невыразимо душно. Все, что может, из него эмигрирует на чистый воздух, на дачу или в имение» [2. Оп. 1. Д. 4526. Л. 5 об.].

Несмотря на первоначальный энтузиазм, учеба довольно быстро превратилась в повседневный тяжелый труд, тем более что родные, а прежде всего – содержащий Георгия красноярский дядюшка, ожидали от него безоговорочных успехов. В письме от 19 декабря 1870 г. Г.А. Ларионов объяснял: «Относительно похвальных листов и наград имею честь ответить Вам, многоуважаемый дяденька, что у нас в Университете только по выходе выдаются дипломы на ученые степени, а при переходе из курса в курс никаких наград нет, кроме медалей, которые выдаются за сочинения, для которых выдаются особые темы. Сочинения эти пишутся студентами последних курсов, потому что, чтобы написать такое сочинение, требуется всестороннее знание того предмета, по которому пишется сочинение, а такое знание требует двух или трех лет усидчивого труда» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 22–22 об.]. Впрочем, привыкший с детства усердно заниматься, Георгий и в Петербурге не ударил лицом в грязь. В июне 1871 г. он писал: «Я сдал экзамены хорошо и перешел на 2-й курс. Вакация у нас более трех месяцев с 24-го мая до первого сентября, а для приезжающих, с разрешения ректора, и до 15-го сентября» [Там же. Л. 30–30 об.].

Второй курс дался тяжелее. Анфиса Лаврентьевна в мае 1872 г. сообщала: «Егориньке решительно нет свободно(й) минуты: экзамены громадные, 5 месяцев не знает покою, (у)жас смотреть на их работу и заботу. Благодаря Бога 5 экзаменов сдал хорошо, еще остался один [...] можете себе представить, какие у них занятия: в светлой праздник Воскресения Христова был у заутрени и обедни и больше никуда шагу не делал – все занима(л)ся. Етот ку(р)с само(й) тяжелой. Бог поможет, перейдет [на] 3 ку(р)с, так полечке [будет]» [2. Оп. 1. Д. 4527. Л. 7–7 об.].

Погруженный в учебу, Георгий стоял в стороне от студенческих кружков и каких-либо оппозиционных правительству организаций. Между тем в начале 1870-х гг. в России продолжало набирать силу революционное движение: продолжали распространяться переводы сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, действовали чайковцы, представители страны участвовали в работе Русской секции I Интернационала и Парижской коммуны [13. С. 38, 43–45]. Конечно, все это не могло совершенно не коснуться даже самого далекого от политики молодого человека, которому, возможно, приходилось каждый день сталкиваться с народниками в университетских коридорах. В одном из писем Г.А. Ларионова встречается упоминание об арестах в студенческой среде: «Нового у нас почти ничего нет, кроме арестов, которые производятся между студентами Университета и Медико-хирур-

гической Академии. Причины арестов я не знаю, куда еще ничего не известно» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 22–22 об.].

Из сохранившейся переписки предстает и такая сторона жизни малоимущих горожан, как бытовые проблемы. Наибольшую неприятность Ларионовым доставляли высокие цены на жилье и продукты питания, существовавшие в Санкт-Петербурге. Поначалу Георгий с матерью расположились в двенадцатой квартире дома № 10 на Могилевской улице [Там же. Л. 14]. В первом же письме к красноярским родственникам Георгий сообщал: «Жизнь здесь очень дорога. Квартиры дороги, особенно с мебелью. Отдельная комната стоит здесь рублей 12 в месяц, а то и более. Мясо – 15 и 16 копеек фунт. Хлеб не дешев. Мука крупитчатая 1-й сорт – 12 рублей куль. Овощи страшно дороги. Сливки хорошие 40 к. бутылка» [Там же. Л. 14]. Анфиса Лаврентьевна добавляла: «Что вам сказать, в Петербурге очень дорого жить, на знаю, как Бог устроит...» [Там же. Л. 16], «...жить здесь в Петербурге дорогонько, но с Божией помощью как-нибудь проживем» [Там же. Л. 22 об.]. Характеризуя условия проживания, 7 февраля 1872 г. Георгий писал: «Квартиры ужасно дороги и неудобны. Комнаты по большей части проходные. Прихожие и темные комнаты считаются за комнаты, и помещение из двух комнат, прихожей (которая считается за комнату) и кухни стоит 25 рублей в месяц. Цена громадная!» [Там же. Л. 33 об.]. Для сокращения расходов, Ларионовым приходилось обходиться без прислуги, а также пустить квартирантов – трех студентов [Там же. Л. 16].

Непривычной была также строгость местного городского начальства, о чем свидетельствуют строки одного из писем Г.А. Ларионова: «Мамаша покорнейше просила Вас, добрейший дяденька, не замедлить высылкою паспортов, так как здесь, в Петербурге, за просрочку строго взыскивается, и потому мамаша покорнейше просит Вас выслать их, если можно, в декабре, в последних числах» [Там же. Л. 16].

Давал себя знать и угнетающий, непривычный петербургский климат, описывая который, в сентябре 1870 г. Георгий отмечал: «Климат здесь очень нездоров. Появилась было холера, но теперь прекращается» [Там же. Л. 17]. По встречающимся в письмах Ларионовых фрагментам можно получить представление о погоде в столице в разные месяцы. К октябрю того же года относились строки: «...погода здесь стоит пасмурная, скучная. Идет то дождь, то снег; однако постоянного снега еще нет» [Там же. Л. 18], к началу ноября – «...погода здесь стоит дождливая, дуют ветры. Снегу еще нет, хотя и выпадал, но скоро растаял» [Там же. Л. 21]. И тут же автор добавлял: «О себе скажу, что, слава Богу, здоров, особого действия климат Петербурга на меня не произвел» [Там же. Л. 21 об.]. Для зимы были характерны колебания температуры и перепады давления. В письме от 19 декабря 1870 г. Георгий отмечал: «Погода теперь стоит у нас в Петербурге довольно теплая, но дня два тому целую неделю стоял мороз за 20°, при сильном ветре» [Там же. Л. 22]. Он же 18 февраля 1871 г. писал: «Всю Масленицу здесь, в Петербурге, страшные холода, теперь же

начинается оттепель» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 27]. Надо полагать, что был действительно сильный мороз, усугублявшийся высокой влажностью, раз даже сибиряк, говоря о холодах, употребил эпитет «страшные». К февралю 1872 г. относились слова: «В настоящее время у нас, в Петербурге, стоят морозы» [Там же. Л. 33–33 об.]. Лето на берегах Невы по большей части выдавалось пасмурным: в июне 1871 г. погода стояла «холодная и сырая» [Там же. Л. 30 об.], в середине августа лил дождь «вот уже целую неделю» [Там же. Л. 31].

Освоиться с непривычными условиями и справиться с тяготами повседневной жизни помогало общение с земляками. Надо сказать, что, несмотря на новые впечатления и насыщенную событиями жизнь, Георгий Александрович и Анфиса Лаврентьевна сильно скучали по родному Красноярску. В их письмах довольно рано начинают звучать ностальгические нотки. В ноябре 1870 г. А.Л. Ларионова писала: «Мы далеко от родины, милых наших родных, но любим их, сегодня за ваше здоровье пили кофе и душевно желали здоровья» [Там же. Л. 20], «...мы, с своей стороны, всегда помним и будем помнить дорогих для нас родных наших и знакомых» [Там же. Л. 21 об.]. Как показывает первый из приведенных фрагментов, в понятие «родина» вкладывался именно узко региональный смысл – место, где родился и вырос. В апреле 1871 г. Анфиса Лаврентьевна отмечала: «...чужая сторона заставила больше оценить и полюбить ваше благословенное семейство, чужая сторона хорошо учит» [Там же. Л. 29–29 об.]. Горечью наполнены и строки ее письма от 7 февраля 1872 г.: «Не знаю, когда увижу мою милую Сибирь, а я по ней очень и очень скучаю» [Там же. Л. 33 об.]. В феврале 1872 г. А.Л. Ларионова просила: «Очень приятно бы было иметь Ваши карточки, поэтому мы просим Вас выслать Ваши карточки» [Там же. Л. 1 об.]. Слова Георгия в письме дяде от 19 апреля 1871 г. подтверждают настроение Анфисы Лаврентьевны: «...мамаша очень жалеет о том, что мы так далеко живем от Красноярска и что поездка туда сопряжена с большими для нас расходами, а то мамаша давно бы приехала навестить Вас» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 28].

О важности общения выходцев из Сибири между собой, чувстве региональной идентичности свидетельствуют строки из письма Г.А. Ларионова от 16 сентября 1870 г.: «Жить здесь для меня (не знаю, как для других) очень скучно, хорошо, что есть здесь наши сибиряки. Сибиряков знакомых здесь человек пятнадцать. Не знаю, может быть, привыкну и к Петербургу» [Там же. Л. 17]. Надо сказать, что к началу 1870-х гг. действовавшие в столице в 1858–1859 и 1860–1863 гг. сибирские земляческие кружки, в которых выкристаллизовывались взгляды областников, уже не существовали [14. С. 75]. Однако вышеприведенные слова Г.А. Ларионова указывают на то, что проживавшие в Санкт-Петербурге сибиряки по-прежнему поддерживали отношения, ощущая себя в непривычной, чужеродной среде. В последующих письмах Георгия Александровича неоднократно возникала тема служения Сибири, необходимости распространения просвещения среди сибиряков, но от-

сутствуют какие бы то ни было намеки на восприятие автором истории региона как колонизируемой окраины Российского государства, нет и настроений сепаратистского характера.

Очень существенной для Ларионовых оказалась поддержка земляков-красноярцев – семейства красноярского купца Петра Ивановича Кузнецова, который останавливался в Петербурге по пути за границу и обратно. Один из виднейших красноярских купцов, П.И. Кузнецов был человеком хорошо образованным, с широким кругозором, участник Амурской экспедиции Н.Н. Муравьева-Амурского, щедрый благотворитель [15. С. 38–67]. Видимо, Ларионовы состояли в родстве с Кузнецовыми, поскольку в одном из писем Георгий назвал П.И. Кузнецова «дядюшкой» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 30], а в другом его дочь Евдокию Петровну Кузнецову – «добрейшей кузиной» [Там же. Л. 21]. Он писал, что «она очень рада, что я так хорошо кончил курс гимназии, и что она будет всеми от нея зависящими средствами стараться, чтобы мне и докончить хорошо мое образование, и что даже путешествие за границу по окончании курса для большего усовершенствования... можно устроить» [Там же. Л. 21–21 об.]. Как видно, родственные связи позволяли надеяться на протекцию и материальную помощь богатых земляков. Кстати, именно Кузнецовы помогли Ларионовым на первых порах устроиться с минимальными удобствами, по отъезде за границу оставив им мебель, посуду, кровати и матрасы [Там же. Л. 16]. В сентябре 1870 г. Георгий сообщал: «В настоящее время здесь находится Петр Иванович Кузнецов, с которым я и посылаю это письмо. Я бываю у него почти каждый день» [Там же. Л. 17]. Насколько Ларионовы ценили общение с Кузнецовыми, можно судить и из следующей записи Георгия Александровича от 19 декабря 1870 г. о жене П.И. Кузнецова: «К Рождеству сюда приедет из-за границы Александра Феодоровна Кузнецова... Мамаша и я очень рады приезду Александры Феодоровны – всё хоть веселее проведем наступающие праздники» [Там же. Л. 22].

Особое место в письмах Ларионовых занимали подробности об общих знакомых, тех, кто когда-то служил в Красноярске или, наоборот, направлялся в Сибирь на службу. Так, Г.А. Ларионов 18 февраля 1871 г. упоминал Михаила Семеновича Корсакова, который с 1849 г. находился на сибирской службе, а в 1861–1870 гг. исполнял обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири. По долгу службы ему приходилось неоднократно бывать в Красноярске: в частности, «Енисейские губернские ведомости» сообщали, что 14 апреля 1863 г. проездом из Санкт-Петербурга в Иркутск Красноярск посетил «исправляющий обязанность генерал-губернатора Восточной Сибири свиты Его Величества генерал-майор Михаил Семенович Карсаков» [16. С. 67]. Текст письма Г.А. Ларионова дает основания предполагать, что он навестил М.С. Корсакова, отличавшегося мягкостью и ровным обращением с людьми [17. С. 340], на петербургской квартире: «Михаил Семенович Корсаков сделан членом Государственного Совета с 15 000 рублей жалованья и с 3 000 рублей пансиона за сибирскую службу. Этот год он пробудет в отпуску. Сперва поедет к матушке в поместье, а потом думает уехать за границу. Но, может быть, от поездки за границу удержит его ожидаемая там весною эпидемия. Он очень состарился и несмотря на то, что ему только 42 года, он совершенно (в буквальном смысле слова) седой» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 26 об. – 27]. Оставленная зарисовка, несмотря на допущенную неточность (М.С. Корсаков родился в марте 1826 г., т.е. в 1871 г. ему исполнилось 45 лет), дополняет сохранившиеся немногочисленные свидетельства «о внешнем облике и характере М.С. Корсакова» [17. С. 340]. Перед нами предстает образ усталого и, возможно, тяжело больного человека – ведь Михаил Семенович скончался уже через месяц после встречи с Г.А. Ларионовым – 16 марта 1871 г., так и не успев побывать за границей [Там же. С. 355].

В том же письме Г.А. Ларионов упоминал еще одну важную фигуру – сенатора Николая Петровича Синельникова: «Вчера отсюда выехал новый генерал-губернатор Сибири Синельников. В Красноярске он пробудет три дня. Человек он, как слышал от многих, очень хороший. Прошедшая деятельность его на пользу общества очень и очень почтенна» [2. Оп. 1. Д. 4497. Л. 26–26 об.]. Н.П. Синельников, бывший к тому времени «уже немолодым и опытным администратором», прослужил в новой должности с 1871 по 1873 г. [17. С. 355; 18. С. 113].

Таким образом, письма Ларионовых отражают восприятие сибиряками столичной жизни первой половины 1870-х гг., раскрывают их наиболее яркие впечатления. С одной стороны, тексты указывают на восхищение перед Санкт-Петербургом как сокровищницей знаний и центром просвещения, преклонение перед возможностями науки, уважение к Санкт-Петербургскому университету. Георгий Ларионов проявляет любознательность, тягу поехать «усовершенствоваться за границу». Развитие образования у него – в числе первоочередных задач, стоявших перед русским обществом. С другой стороны, и он, и его мать постоянно жалуются родным на дороговизну, погоду и постоянное чувство ностальгии по Сибири, которое не могли притупить ни посещение театров и выставок, ни новые знакомства. Перед нами письма коренных сибиряков, которые не мыслили своей жизни в отрыве от малой родины, воспринимая проведенные в Санкт-Петербурге годы лишь как временный, вынужденный этап. Рассмотренные источники показывают, что в сознании даже тех выходцев из Сибири, кто еще не испытал сильного влияния начавших распространяться идей областников, под воздействием общего прошлого и общей культурной среды к началу 1870-х гг. уже прочно утвердилось представление о принадлежности к единому региональному сообществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Станюкович К.М. В далекие края // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1977. Т. 1. С. 238–333.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. 796.

3. Енисейские губернские ведомости. 1861. Приложение к № 9.
4. Городской архив Енисейска. Ф. 6.
5. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902.
6. Казакова К.С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
7. Справочный указатель по С.-Петербургу. СПб., 1865.
8. Березарк И.Б. Василий Васильевич Самойлов. Л., 1948.
9. Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XIX в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2011. № 2 (20). С. 13–18.
10. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1898. Т. 2.
11. Николаев Г.А. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ 1845–1929. Казань, 2001.
12. Сумцов Н. Гатцук А.А. // Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. XIII (кн. 15). С. 175.
13. Троицкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг. М., 1978.
14. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.
15. Сысоева Л.А. Во славу любезного Отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск, 2010.
16. Енисейские губернские ведомости. 1863. № 16.
17. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
18. Матханова Н.П. Синельников Николай Петрович // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 113.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2016 г.

SIBERIANS IN THE CAPITAL: IMPRESSIONS OF THE INHERITORS OF THE KRASNOYARSK MERCHANT ALEKSANDR P. LARIONOV OF ST. PETERSBURG OF THE EARLY 1870S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 84–90.

DOI: 10.17223/15617793/410/13

Evgeniya V. Komleva, Institute of History, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feodal@history.nsc.ru

Keywords: private correspondence; St. Petersburg; Siberians; everyday life; St. Petersburg University; regional identity.

The article discusses private letters from the unique manuscript collection of the Larionovs, merchants from Krasnoyarsk, dated by early 1870s. On the basis of these sources the way of life of the orphaned son of the merchant has been reconstructed. He passed through all the difficulties connected with obtaining secondary and higher education, which allowed him to change the social status and to start the career of a civil servant. The correspondence under investigation also allows to highlight to some extent the perception of the realities of the post-reform period by the Siberians, to reconstruct the details of everyday life of ordinary citizens in St. Petersburg. Reading the letters, one can notice admiration for St. Petersburg as a store of knowledge and a center of education, for the possibilities of science, respect for St. Petersburg University. One of the authors, Georgy Larionov, paid attention to the abundance of libraries, exhibitions, high-class institutions; he also did not remain indifferent to the famous Alexandrinsky Theatre. With a special reverence he mentioned the outstanding scientists and professors he was able to see, the lawyer P.G. Redkin and the linguist I.A. Boudouin de Courtenay. According to the time Georgy considered the development of education as one of the priority tasks Russian society faced. In contrast to the son, Anfisa Larionova drew attention to other details of everyday life she had never experienced before; in particular, she was struck by the Petersburg horse railroad, whose opening she connected with the achievements of the scientific thought. At the same time, despite the new impressions and the eventful life, the Larionovs constantly complained about the high prices, weather and a constant feeling of nostalgia for Siberia, which could be decreased neither by visiting theatres and exhibitions nor by new acquaintances. Living in the capital, the Larionovs closely followed all news related to Siberia, visited residents of Krasnoyarsk arriving to St. Petersburg and officials that returned from service in Siberia. The letters indicate the special meaning Siberian natives gave to communication with their countrymen, underline the importance to them of the recognition of belonging to one community. These are texts written by indigenous Siberians who could not imagine themselves without homeland and considered the years in St. Petersburg only as a temporary period, a necessary stage of their lives. The analysis of the investigated sources has shown that by the early 1870s the idea of belonging to one community had already firmly established in the minds of even those Siberians who had not experienced the strong influence of the regionalism ideas, under the influence of a common past and a common cultural environment.

REFERENCES

1. Stanyukovich, K.M. (1977) V dalekie kraja [To distant lands]. In: Eremin, M.P. (ed.) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
2. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 796. (In Russian).
3. *Eniseyskie gubernskie vedomosti*. (1861) 9 (Supplement). (In Russian).
4. City Archive of Yeniseisk. Fund 6. (In Russian).
5. Chukmaldin, N.M. (1902) *Zapiski o moey zhizni* [Notes on my life]. Moscow: Tipolitogr. A. V. Vasil'eva i Ko.
6. Kazakova, K.S. (2010) *Studenchestvo Sankt-Peterburgskogo universiteta v pervoy polovine XIX v.* [Students of St. Petersburg University in the first half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
7. Anon. (1865) *Spravochnyy ukazatel' po S.-Peterburgu* [Reference book for St. Petersburg]. St. Petersburg: tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kantselyarii.
8. Berzark, I.B. (1948) *Vasiliy Vasil'evich Samoylov*. Leningrad: Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo. (In Russian).
9. Zhukovskaya, T.N. (2011) Natsional'nye gruppy v sostave professorov Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XIX v. [National groups of professors of St. Petersburg University at the beginning of the 19th century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2 (20). pp. 13–18.
10. Anon. (1898) *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya. 1869–1894* [The biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial University of St. Petersburg for the third quarter of a century of its existence. 1869–1894]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. B. M. Vol'fa.

11. Nikolaev, G.A. (2001) *Ivan Aleksandrovich Boduen de Kurtene 1845–1929* [Ivan A. Baudouin de Courtenay 1845–1929]. Kazan: Kazan State University.
12. Sumtsov, N. (1892) Gattsuk A.A. In: Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 8. Book 15. St. Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I.A. Efrona).
13. Troitskiy, N.A. (1978) *Bezumstvo khrabrykh: Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma, 1866–1882 gg.* [Madness of the brave: Russian revolutionaries and the tsarist punitive policy, 1866–1882]. Moscow: Mysl'.
14. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.
15. Sysoeva, L.A. (2010) *Vo slavu lyubeznogo Otechestva. Sem'ya Kuznetsovykh v istorii Krasnoyarska i Rossii* [To the glory of the beloved Homeland. The Kuznetsovs family in the history of Russia and Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk: Sibirskiy pechatnyy dvor.
16. *Eniseyskie gubernskie vedomosti.* (1863) 16.
17. Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governor-Generals of Eastern Siberia of the middle of the 19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS.
18. Matkhanova, N.P. (2009) Sinel'nikov Nikolay Petrovich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.

Received: 28 June 2016